

Введенская (Лачугина) Софья Федоровна

На свет я появилась - весом в пять килограммов - на железнодорожных путях: 12 октября 1943 года мама отправилась пешком по шпалам в Шуйский родильный дом, но не дошла – начались схватки... Хорошо, добрые люди подобрали нас и на подводе довели до больницы...

Мамочка моя, Анастасия Георгиевна Катураева, к тому времени закончила в Шуе учительский институт и работала учительницей начальных классов, позже преподавала в среднем звене и географию, и русский язык: учителей не хватало – война... Насколько себя помню с детства, маму чаще всего видела склонившейся над школьными тетрадками или с книгой в руках. Уже после войны она перешла на работу в библиотеку – и благодаря этому я очень рано научилась читать, и заразилась от мамы этой страстью... Читала много и все подряд, мама не успевала из-за постоянной занятости контролировать мой выбор... В детстве почему-то в руки попадало и взрослое чтение – тогда прочла и Мопассана, и Стендаля...

Жили мы с родителями недалеко от железной дороги в очень маленьком доме с двумя окнами. Когда я родилась, моей сестре Гале уже исполнилось три годика.

Папа, Федор Михайлович Лачугин - военный авиационный техник. Окончив ленинградскую авиационную школу, работал в Харькове. Войну встретил в 41-м под Москвой. Еще не успел повоевать, как заболел туберкулезом в открытой форме, поэтому его списали как инвалида Отечественной войны, не связанного с фронтом. Где и как подцепил туберкулез, никто не знал. Скорей всего, от кого-то из призывников, которых собирали под Москвой перед отправкой на фронт. Было очень страшно, все сторонились нас, боясь отцовского диагноза. А мы сами не болели – ни мама, ни я, ни моя сестра Галя. При этом папа работал – в одиночку - на разных предприятиях города по части электрики: искал любую возможность помогать маме содержать семью ...Таких сейчас трудно сыскать. Умел все! Мастерил, чинил, латал... Сажал и прививал яблони, крыл крыши, клал печки, много читал...

Жил он в отдельной комнате. В доме их, как и окон, всего две, во второй мы ютились втроем. Он никогда с нами не строжничал, не помню, чтобы за что-то наказывал... Единственное, что он категорически запрещал нам - это спать всем вместе. Мы слушались: он оставался главой семьи, командиром... Помню, как он говорил про всех нас: у меня есть старший комсостав,

средний комсостав и младший комсостав. Я числилась младшим... А постоянного места для сна у нас не было, каждый раз - кто где, кто как... Туалеты тоже были разные – так он нас берег... И никого никогда не целовал, не обнимал, близко к нам не подходил. Только иногда вырывалось горькое: «Как бы хотелось подержать вас на руках, как мой папа держал меня...». Себя в руках он держал крепко. И дожил, инвалид 2-й группы, - от первой наотрез отказался, чтобы иметь возможность работать, - до 74-х лет, никого не заразив...

Война помнится жутким голодом. Незабываемы пироги из пшенной каши, которые «без ничего» изобретала мама. Мгновенно их заглатывали... Мы умели есть всё! Молока не было. Муку видели в редких случаях. Кое-что сажали на маленьком огорожке.. Ходили под присмотром взрослых в лес за ягодами, а потом получали их горсточке, за грибами – в суп, или сушили, - и ещё за орехами. Папа говорил, что орехи надо есть обязательно. У него была большая рыжая кожаная сумка с широким ремнем, куда мы их собирали. Орехи закладывали «про запас» на чердак, где всегда лежали ивовые прутья и корье от них... Папа сам плел корзины, для семьи и для друзей. Одну, изготовленную вскоре после войны для мамы, я храню до сих пор. Орехи лежали в укромных местах, но мы лазили за ними постоянно, находили, и ели, не давая им дожить до зимы... Есть хотелось всегда. И даже ночью. Когда соседскую девочку Веру мама звала обедать, и та отвечала, что не хочет, я всегда приходила в ужас: как это можно не хотеть обедать?

Голод жил в нашем доме и после войны, уже в 50-е годы. Выживали тогда, как могли. Выжили.

ЮМ

16 августа